

2. Ограниченность моделей экономического прогнозирования

Для определения стратегических приоритетов и успешного развития России в глобализованном мире необходимо предвосхищать будущее, которое не содержится в прошлом и настоящем в виде их механических проекций в грядущее, необходимо реализовывать долгосрочные экономические мегапроекты¹.

Одной из форм проективного видения российского общества и приоритетов его развития являются экономические сценарии развития. В 2008 г. Министерство экономического развития РФ (МЭР РФ) наконец-то вынесло на суд общественности долгожданную «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» (Концепция). Концепция-2020 была принята Правительством РФ накануне глобальной депрессии и сразу же отошла из сферы научного прогнозирования в область фантастической футурологии. Сегодня она заслуживает рассмотрения, но лишь в качестве примера того, что не стоит делать экономические прогнозы, инициированные идеологической потребностью в легитимации правящих элит, а не потребностями общества в реальном развитии.

Если опустить политическую риторику Концепции о формировании «экономики знаний» и обратиться к конкретным показателям и цифрам, то ее авторы сулят россиянам к 2020 г. средние заработные платы в 2700 долларов США или 90 тыс. рублей по текущему курсу (май 2009 г.). Весной 2009 г. средняя зарплата россиян составила 17 440 рублей². То есть в 2008–2020 гг. средняя зарплата в России увеличится в 5 раз.

Однако не все так просто. Проведем, например, небольшое вычисление реальной покупательной способности этой суммы при: а) сохранении нынешнего соотношения курсов рубля и доллара и б) при допущении в период 2009–2012 гг. средней официальной инфляции рубля в 13,3% годовых (это официальный ее уровень за 2008 г.). В результате нынешняя средняя зарплата, скорректированная на индекс инфляции, через 11 лет вырастет до 70 тыс. рублей. Таким образом, реальная зарплата в 2020 г. за вычетом инфляции вырастет лишь на 28% по отношению к 2009 г., а не в 5 раз.

¹ См.: Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 26.04.2007 // Российская газета. 27 апреля 2007 г.

² См.: Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d03/6-0.htm.

Впрочем, и без сложных вычислений сам факт того, что ведущие правительственные экономисты даже в официальных документах привыкли считать в иностранной валюте, наводит на невеселые размышления относительно перспектив России.

Другие целевые параметры развития страны к 2020 г. выглядели в Концепции не просто впечатляюще, а даже слегка фантастично. К 2015–2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП. Средний уровень обеспеченности жильем должен составить к 2020 г. 30–35 м² на человека. Доля среднего класса к тому же году должна превысить половину населения. Правда, какие параметры подразумевают отнесение людей к категории «средний класс», в Концепции не определяется.

Достичь всего перечисленного планировалось благодаря увеличению производительности труда к 2020 г. в 2,4–2,6 раза, а энергоэффективности экономики в 1,6–1,8 раза. Каким образом — в Концепции осталось не проясненным. Особенно на фоне заложенного в Концепцию опережающего роста тарифов монополий на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки в 2,5–3,5 раза, при общем росте цен в 2 раза. Это осложнит и без того непростое положение отечественной промышленности, которая потребляет энергии на единицу продукции в 2–3 раза больше, чем зарубежные конкуренты.

В Концепции выделялось три сценария развития страны в 2006–2020 гг.: инерционный (рост ВВП в 1,8 раза), энергосырьевой (рост в 2,2 раза) и инновационный (рост в 2,4 раза). Естественно, что в качестве целевого рассматривался последний вариант. Однако возникает ряд вопросов, связанных с переходом от инерционного к инновационному типу развития. Более всего сомнительна невнятная риторика опережающего развития «инновационного» и «постиндустриального» секторов российской экономики. Что подразумевается под «инновацией» и «экономикой знаний», а также под развитием «человеческого потенциала», в документе нигде не было определено. Все оптимистические показатели, связанные с ростом «инноваций» к 2020 г., не были «заземлены» на конкретные показатели, а потому не имеют никакого разумного смысла. Здесь любая «новация», то есть небольшая улучшающая модификация уже имеющегося товара или технологии, магическим образом превращается в «инновацию». Но 90% «инноваций» на российском рынке высоких технологий, прежде всего оружия, — это как раз модификации давно производимой продукции типа автомата Калашникова!

Складывается впечатление, что правительственные эксперты вместо объективного анализа наличных процессов и тенденций, какими бы печальными они ни были, упорно ищут некую панацею, экономи-

ческое лекарство от всех невзгод, которое, наконец, сотворит долгожданное российское экономическое чудо. В свое время на роль таких панацей претендовали и рынок, и либерализация цен, и гайдаровский монетаризм. Сейчас настала пора идеологической опоры на «инновации», «экономику знаний» и «нанотехнологии». Эксперты то ли наивно, то ли умышленно путают проблему генерации нового знания и разработки высоких технологий с циркулирующей обычной масс-медийной информацией.

Разработчикам Концепции кажется, что стоит только создать условия «для направления частных инвестиций в постиндустриальную экономику крупнейших городских агломераций, в сектор услуг (образование, торговля, рекреация)», как Россия вмиг из сырьевого придатка мировой экономики прыгнет в число постиндустриальных лидеров. Однако количество вузов и студентов в российских мегаполисах, размеры торговых площадей, экспансия компьютерной, коммуникационной, информационной индустрии и так растут неимоверными темпами, не нуждаясь в поддержке государства. Обеспеченность населения в них собственным автотранспортом, Интернетом, компьютерами,отовой телефонией соизмеримо с аналогичным уровнем передовых стран. Только все это не делает Россию лидером «инноваций» мирового уровня, поскольку качество образования остается низким, а крупный бизнес не проявляет стремления вкладываться в дорогостоящие и долгосрочные научные исследования.

О какой «экономике знаний» в России мечтают эксперты, если доля расходов российского бюджета на исследования и разработки в последние годы колеблется в пределах 1,5% ВВП? В то время как инвестиции в науку и разработку технологий в постиндустриальном обществе не могут быть ниже 10–15% ВВП, не считая равного или превосходящего объема частных инвестиций. Ведь речь идет об экономике генерации нового знания и технологий, а не об увеличивающемся обороте информации как таковой. Проблема в том, что усилиями только государства инновационной, то есть высокотехнологичной экономики, связанной с созданием уникальных в мировом масштабе технологий, не создать. Более того, существует серьезный риск, что под прикрытием инновационной риторики многомиллиардные государственные инвестиции в никому не ведомые «нанотехнологии» и «информационные сектора экономики» будут «освоены» на совсем иные нужды.

При составлении экономических стратегий развития следует отдавать себе отчет в том, что согласно сравнительному сопоставлению средних доходов населения разных стран мира за последние полтора века по паритету покупательной способности (США — 100%) лишь

считанные страны действительно смогли повысить свое место в экономической иерархии миросистемы: «За последние 50 лет лишь немногие страны сумели решить задачу догоняющего развития. Это — Япония, Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, в меньших масштабах Франция, Германия, Португалия, Финляндия, Ирландия, Норвегия... У нас есть свой печальный опыт: в 1913 г. российский ВВП на душу населения составлял 28% от уровня США по паритету покупательной способности. В 2006 г. наблюдается примерно та же цифра. За это время Япония уменьшила отставание с 25 до 76%, Южная Корея — с 16 до 56%, Норвегия — с 43 до 110%, Ирландия — с 51 до 100%. Для Англии и большинства стран Латинской Америки отставание увеличилось. Например, у Чили, которую у нас принято приводить в пример как образец успешных экономических реформ, отставание увеличилось с 50 до 29%»¹. Таким образом, значение политических и экономических стратегий часто преувеличивается в сравнении с объективными долгосрочными ресурсными, демографическими, климатическими условиями развития страны, которые неизменно вносят свои фоновые коррективы. И все же это не является поводом для пессимизма и фатализма.

Согласно программным заявлениям Президента России Д. Медведева приоритеты ближайшего будущего выражает «концепция четырех “И” — Институты, Инвестиции, Инфраструктура, Инновации. Такой подход закреплен и в подготовленной Правительством Концепции развития до 2020 г., куда добавлена пятая составляющая — Интеллект»². Но ничто из перечисленного выше не заработает, если не будет главного условия — заинтересованного стремления общества к созданию новых эффективных институтов и инноваций. Поскольку любые эффективные институты, технологии и проекты могут развиваться лишь тогда, когда общество готово к восприятию этих новых целей, стратегий, приоритетов. Модернизация всегда начинается снизу, а не спускается приказами сверху.

Пока же подобное стремление к реальной модернизации в России и у людей, и у частных корпораций, и у государственных чиновников не выходит за пределы риторики. Значит, декларируемые цели расходятся с реальными желаниями и возможностями, создавая опасные иллюзии. На самом деле российское население, руководствуясь здравым смыслом, вовсе не стремится надорваться и прыгнуть выше голо-

¹ Полтерович В. Стратегическое и политическое планирование: новые веяния на федеральном уровне // <http://www.politeia.ru/seminar.php?2008-03-27>.

² См.: Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 5 ноября 2008 г. // Российская газета — Неделя. 6 ноября 2008 г.

вы в воображаемое «общество знания», оценивая положение страны и ее перспективы более реалистично, чем ее правящий класс.

Экономикоцентричные сценарии российского будущего сводятся в основном к прогнозам вариантов экономического развития, совершенно не затрагивая иные сферы жизни общества. По принципу, если экономика и доходы населения растут, то молчаливо предполагается, что общество должно быть счастливым и ничего иного ему не надо. Поэтому России нужен экономический рост любой ценой как панацея от всех социальных болезней и конфликтов. Таковы по своим интенциям прогнозы МЭР РФ, РИО-центра, Минфина РФ: «Перед авторами КДР была поставлена задача — обосновать “большой рывок”, который выведет Россию в число мировых лидеров. Интересно, однако, что, не будучи идеологически ориентированной, Концепция сама по себе является протоядром идеологии, которую... можно назвать “идеологией опережающего развития”... однако, с другой стороны, реализация стратегии “большого рывка” предполагает колоссальное увеличение расходов на модернизацию. Поскольку, как известно, “из ничего ничего не бывает”, остается предположить, что основная тяжесть модернизации ляжет на плечи российских граждан. При отсутствии широкого общественного консенсуса это может привести к возрастанию социальной напряженности и в конце концов — к краху всего модернизационного проекта»¹.

Возникает обоснованное опасение: почему нынешнее население путем разных ограничений и мобилизации должно оплачивать эфемерное счастье будущих поколений? И так ли уж нужен России «опережающий» остальной мир темп развития, выражаемый не столько в улучшении качества жизни, сколько в динамике довольно абстрактных макроэкономических показателей? Не является ли риторика такого развития лишь способом политической легитимации и оправдания заведомых неудач? Наконец, ответ на вопрос о том, что считать ростом и развитием, тоже далеко не самоочевиден.

Нынешние структурные тенденции в экономике следует признать негативными. В 1990 г. импорт в потреблении составлял только одну седьмую всех товаров. Сегодня почти половина того, что мы потребляем, — продукты питания, одежда, бытовая техника, автомашины, — производится за рубежом. За растущий импорт мы отдаем половину годовой добычи невозполнимых ресурсов. Другая половина добываемых нефти и газа потребляется внутри страны. На данном фоне все более популярная имперская риторика о самодостаточности и независимости России, полезности экономической закрытости и автар-

¹ Бенедиктов К. Дебаты «в нулевом чтении» // Русский журнал. 2008. № 1. С. 47.

кичности выглядят несколько наивно¹. Нужен ли России такой рост, обеспечиваемый мировой конъюнктурой цен на сырье, а не реальными успехами в производстве конкурентных и востребованных во внешнем мире товаров и технологий? Вопрос риторический.

В настоящее время экономика России остается крайне примитивной и чудовищно ресурсо- и энергоемкой. Более того, «потребление газа в России превосходит его использование в семи крупнейших экономиках мира — Китае, Индии, Японии, Бразилии, Великобритании, Германии и Франции — *вместе взятых*. Заметим: каждая из этих стран опережает Россию по показателю ВВП *calculated by purchasing power*, а все вместе они генерируют валовой продукт, превосходящий российский без малого в 16 раз»². В условиях продолжения экономического роста в России со всей остротой встанет проблема сокращения экспортного потенциала нефти и газа, которые необходимо будет направить на обслуживание новых производственных мощностей. Ведь отечественная отрасль нефте- и газодобычи подошла к естественному пределу, прироста объемов добычи не наблюдается за весь постсоветский период. Материало- и энергоемкость российской экономики — основной фактор слабой конкурентоспособности на внешнем рынке. А без глобальной конкурентоспособности нормальное развитие в современном мире невозможно. Это доказывает тот печальный факт, что объем импорта в потреблении россиян увеличился в 3 раза — с 14% в 1991 г. до 46% в 2007 г.

Нынешняя экономическая реальность в свете инновационных утопий Кремля действует отрезвляюще: в 2007 г. доля сырья (нефть, газ, лес, металлы, удобрения) достигла рекордных 84,2%, а доля «нефтегазовой составляющей» в бюджетных доходах увеличилась с 31 до 54%³. Поэтому если к 2020 г. Россия переломит данную негативную тенденцию в пользу экспорта продукции перерабатывающей отрасли и вторичного передела: вместо нефти — бензин и синтетика, вместо леса — мебель, вместо металлов — машины и станки, не говоря уже о журавле «прорывных технологий» — то это даже без всяких «инноваций» и «постиндустриальности» можно будет считать достойным результатом.

Как никогда, актуальной задачей для властвующей элиты становится формулировка направлений развития, которые обеспечат необходимый

¹ См.: *Юрьев М.* Третья империя. Россия, которая должна быть. М., 2007; *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Алгоритм, 2002; *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. В 2 т. М.: Алгоритм, 2001; и др.

² *Иноземцев В.* Закат энергетической сверхдержавы // <http://www.inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub1&id=961>.

³ *Иноземцев В.* Конкурентоспособность России: мифы, иллюзии, методы повышения // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 6.

запас прочности российской экономике, основу для материального благополучия граждан, поскольку победившая в массовом сознании идеология общества потребления предопределяет вектор действия элиты.

Президентское послание-2008 утверждает: *«Наш приоритет — это производство (а в перспективе — и экспорт) знаний, новых технологий и передовой культуры. А значит — достижение лидирующих позиций в науке, в образовании, в искусстве. Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни. И на такие цели ни государству, ни бизнесу скупиться не стоит — даже в непростые финансовые периоды»*.

Данная цитата смотрится весьма контрастно на фоне реальной экономической статистики, подводющей итоги всего предшествующего политического курса: «за 2002–2006 гг. доля природных ресурсов и продуктов их первичной переработки в экспорте выросла с 78,2 до 85,5%, а машин, оборудования и транспортных средств упала с 9,4% до 5,6%... Ввоз из-за границы продовольствия в 2000–2007 гг. вырос в 3,7 раза, товаров народного потребления — в 4,3 раза, машин и оборудования — в 7,1 раза, сложной электронной техники — в 12,8 раза, а легковых автомобилей — в 22,3 раза. В то же время отечественная промышленность стагнировала, доля расходов на науку составила в 2006 г. меньшую долю федерального бюджета, чем в 1992-м, а число научно-исследовательских работников за 1992–2006 гг. сократилось более чем вдвое»¹.

Для поддержания нынешних темпов роста России необходимо постоянно увеличивать потребление энергетических ресурсов. Экстенсивный рост экономики ведет к экологическому и энергетическому кризису. Например, по подсчетам экономистов уже в 2008 г. возникла системная проблема энергодефицита. Уровень 1990 г., момента распада СССР, после 20 лет жизни в обществе потребления до сих пор не превзойден. По подсчетам экономистов Д. Фомина и Г. Хазина, российский ВВП 2007 г. составил лишь 87,4% (при данных официальной статистики в 104,5%) к ВВП РСФСР 1987 г., принятого за 100%. При этом стоимость практически не обновляемых основных фондов снизилась в результате амортизации до 58,5%. Фактически экономика России за постсоветский период потеряла чуть ли не половину своей стоимости (официально она выросла до 132,9%), производительность труда упала до 71% (официально — 101,7%)². А восстановительный рост 2000-х гг. объясняется лишь вводом в эксплуатацию простаивав-

¹ *Иноземцев В., Кричевский Н.* Модернизация: Экономика предложения // Ведомости. 10 ноября 2008 г.

² См.: *Фомин Д., Хазин Г.* Конец воображаемого советского благополучия // Свободная мысль. 2009. № 3. С. 13.

ших в депрессивные 1990-е гг. производственных мощностей и увеличением фондоотдачи, а вовсе не созданием новых предприятий. И этот потенциал восстановления к 2008 г. был исчерпан.

Если обратиться к рейтингу лучших вузов мира, то в 2007 г., согласно рейтингу Шанхайского университета, в мировой топ-500 от России входят только МГУ (76-е место) и СПбГУ (305-е место), и за последние годы российских вузов в этом списке не прибавилось¹. В основных европейских и американских рейтингах российские вузы вообще отсутствуют.

Частный бизнес за весь постсоветский период так и не начал финансировать фундаментальную отечественную науку, поэтому науке остается надеяться только на госзаказ и собственные силы энтузиастов от науки. Даже несмотря на это рейтинг России в индексе цитируемости, рассчитанный преимущественно по базе данных Института научной информации (США) на платформе Web of Knowledge, показывает, что в период 1995–2005 гг. страна находилась на девятом месте среди стран, поставляющих наибольшее количество статей, учитываемых в международных базах. По уровню цитируемости работ отечественного научного сообщества Россия занимает 17-е место в мире, демонстрируя понижающуюся динамику. В мировом научном потоке на долю России приходится 3,7% публикаций, в то время как Китай в последние годы смог нарастить свою долю до 5,07%².

Стратегия адаптации и приспособления сегодня не может оказаться удачной, поскольку обрекает на вторичность и зависимость от вектора чужого развития, что в полной мере продемонстрировал глобальный экономический кризис. В мире «сами собой» могут освободиться только непривлекательные глобальные экономические ниши, связанные, например, с сельским хозяйством, ручным малооплачиваемым трудом и конвейерным производством ширпотреба, которые вряд ли устроят россиян. Все привлекательные сектора глобальной экономики, опирающиеся на передовые технологии, обещающие высокую норму прибыли, надо либо создать с нуля, либо завоевывать в конкурентной борьбе. Значительные достижения на данном направлении у нас пока отсутствуют, а доля России в мировой инновационной экономике стабильно падает. Первостепенные задачи, связанные с повышением привлекательности рубля в качестве мировой резервной валюты, не выполняются.

¹ Полная версия на Интернет-сайте: <http://ed.sjtu.edu.cn/rank/2007>.

² См.: Маркусова В.А., Соколов А.В., Либкинд А.Н., Митин В.А. Сравнение научной продуктивности ученых России и других стран Большой восьмерки // Научно-техническая информация. Сер. I. Организация и методика информационной работы. 2006. № 6. С. 18–27.

По пути продвижения рубля в качестве одной из мировых резервных валют, перевода платежей за российские товары из долларов в рубли, триумфально анонсированного в 2006 г., не сделано ни шага. Достаточно сравнить лишь две цитаты:

В. Путин, послание-2006: *«Необходимо организовать на территории России биржевую торговлю нефтью, газом, другими товарами. Торговлю — с расчетом рублями. Наши товары торгуются на мировых рынках. Почему не у нас? (Аплодисменты)»*.

Д. Медведев, послание-2008: *«Нужно предпринять практические шаги по усилению роли рубля в качестве одной из валют международных расчетов. И, наконец, начать переход к расчетам в рублях — который мы, к сожалению, затащили — конечно, прежде всего за газ и за нефть. Надо стимулировать размещение новых эмиссионных ценных бумаг именно в рублях и желательно — на российском рынке. Конечная цель всех этих процессов — сделать рубль одной из региональных валют»*.

Аналогична ситуация с вступлением в ВТО, о котором говорилось еще с середины 1990-х гг., а вероятность вступления все эти годы только падала. Интеграционные переговоры с Евросоюзом фактически заморожены, а пространство СНГ окончательно виртуализировалось, будучи на практике регулируемо лишь двусторонними договорами и соглашениями.

В свете подобной статистики создается стойкое впечатление, что власть и общество по-прежнему продолжают жить и функционировать как бы в совершенно разных слоях политической реальности, которые связаны между собой исключительно одним: те и другие составляют ту все более эфемерную общность, которая составляет *единный народ, Россию*. Общность со взаимосвязанной судьбой, будущим, перспективами и необходимостью действовать в усложняющейся мировой системе. До тех пор пока этот непреложный факт не будет должным образом осознан, любая интеллектуальная стратегия, предлагаемая властью обществу, не будет этим обществом воспринята, осознана как собственная, необходимая и рациональная. Без выполнения этого ключевого условия каждая стратегия будет сразу же перемещаться в область политического невозможного, в область ритуализованных и соответственно формальных процедур. А все значимые направления развития будут сводиться к микроскопическим и мало значащим для перспективного роста квазиреформам, вечному продолжению того, что так никогда и не было по-настоящему начато.

Между тем будущее человечества заставляет отказаться от привычных показателей развития эпохи советской индустриализации. В перспективе рост экономики представляется вторичным техническим индикатором, а не самоцелью. Лес, вода, земля, чистый воздух — вот

те ресурсы, стоимость которых будет только возрастать. Например, страны ЕС вкладывают в экологию, энергосберегающие технологии и природные источники энергии немалые средства, но долгосрочная отдача от них будет еще больше: энергетическая независимость от внешнего мира, конкурентные преимущества, уменьшение себестоимости продукции, рост продолжительности активной жизни европейцев. Поэтому отечественная экономика тоже обречена на смену принципов и приоритетов. Механический «рост без развития» — стратегия, заранее обреченная на неудачу. Рост ради роста наносит окружающей среде и людям больше ущерба, чем выгоды, которые получает от него российское общество. И рано или поздно будущее предъявит счета к оплате. Оно уже начинает это делать.

Человеческая цивилизация эпохи потребления работает на износ биосферы. Отходы производства, их переработка, восстановление взятых у природы ресурсов (лес, вода, нефть, кислород), загрязнение окружающей среды просто не учитываются в балансе прибылей и расходов. На 1 рубль полезного продукта в России производится 2–3 рубля не переработанных, не очищенных и не утилизированных отходов производства и загрязнений, лежащих тяжким бременем на биосферу. Все зависит от того, как посчитать прибыль и издержки. Но возможно ли индивидуальное спасение в зачумленном мире? И кто эти избранные, имеющие моральное право и материальные возможности спастись, в отличие от большинства населения, людей, которые не могут себе позволить экологической защиты в виде создания, по сути, индивидуальной биосферы?

Технически можно удвоить ВВП России хоть за три-пять лет — вырубить леса, занизить экологические стандарты, отменить налоги. А еще отменить бесплатное здравоохранение, обучение и пенсии по возрасту для подавляющего большинства населения, которых нет в нынешнем Китае. И ВВП моментально удвоится. Но радости и благополучия подобный рост российскому населению не принесет. Тогда почему технический критерий — экономический рост — выдается за главную цель, за критерий развития страны? Не является ли заикленность современных политиков, экономистов и финансистов на макроэкономическом росте свидетельством отсутствия у правящего класса стратегии развития страны? И кому рост «любой ценой» выгоден кроме крупных компаний, чьи акции вращаются на фондовом рынке, демонстрируя рост капитализации в условиях увеличения производства.

Логика эффективного менеджера, заменяющая логику политическую, заведомо аморальна и порочна. Население страны — это не трудовой коллектив наемных рабочих, подчиненный исключительно принципам эффективности: «Главный принцип корпорации — минимиза-

ция персонала при максимализации дохода; страна отличается от корпорации тем, что рассчитана в идеале на более долгие времена. Беда эффективного менеджера в том и заключается, что он неэффективен — ибо любой прагматизм хорош на очень коротких (в историческом масштабе) временных отрезках... Если страна не ставит себе великих непрагматических целей, она очень скоро лишается и того необходимого, что входит в прожиточный минимум»¹.

Для поддержания количественного роста России необходимо постоянно увеличивать потребление энергетических ресурсов, но экстенсивный рост экономики ведет к исчерпанию производственных мощностей, экологическому и энергетическому кризису. Эксперты давно указывают на очевидную симптоматику «голландской болезни» и расширяющееся «ресурсное проклятие» России. Элиты же дают уклончивые ответы о благотворном превращении страны в «сырьевую сверхдержаву» или «суверенную демократию». Наибольшие выгоды от такой модели получает не большинство населения, вынужденное играть роль потребителей, а цепочка транснациональных, федеральных, региональных экономических монополий в разных областях отечественной экономики. Но когда-то, и возможно быстрее, чем предполагают и население, и элиты, России придется жестоко заплатить за эту стратегическую и потребительскую беспечность. А экономический рост ради роста окажется слишком дорогим, чтобы поддерживать его дальше все более дорогой ценой. Однако глобальные альтернативы обществу потребления не возобновляемых ресурсов вряд ли возникнут из экономического взгляда на общество.

Представляется, что в России перспективы экономического возрождения связаны все-таки не с рецептами, предлагающими проводить во второй раз индустриальную модернизацию страны (общество «второй волны»), но со стратегиями, позволяющими разным российским отраслям и регионам активно включаться в передовые стандарты развития обществ, в глобально формирующееся постиндустриальное пространство «третьей волны»². Речь идет о развитии отечественных кластеров нового технологического уклада, прежде всего по тем направлениям, в которых Россия традиционно сильна — вооружения, авиастроение, космос, программное обеспечение, атомная энергетика (единственный в мире промышленный «реактор на быстрых нейтронах» сегодня работает в России на Белоярской АЭС) и т.д.

¹ Быков Д. Эффективный менеджер // Русская жизнь. 30 апреля 2007 г.

² «Первая волна» — аграрная революция человечества, «вторая волна» — промышленный переворот, «третья волна» — переход к обществу с ведущей ролью знаний: Подробнее см.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.

Сможет ли Россия в XXI в. предложить миру более привлекательный образ будущего, чем слишком многих не устраивающая нынешняя система, глобально ориентированная исключительно на текущее потребление? Где каждое государство и отдельный человек хотят откусить побольше от глобального пирога, и в этом видится основной критерий успеха. Но мало кто замечает, что пирог этот давно не растет, а усыхает, и качество его ухудшается.

3. Российский тренд: от индустриального Модерна к «неотрадиционализму»?

Постсоветский период все чаще трактуется как возврат России в мировую историю, в капиталистическую миросистему, из которой она в период СССР была частично выключена. Однако этот возврат обусловил ряд неприятных открытий, реакцией на которые стала попытка восстановления России как автономного пространства, не испытывающего влияния извне и не вписывающегося в общие мировые закономерности. «Культура страны, вставшей посередине между Европой и Азией, предстает в образе непостижимого Сфинкса, в виде соединения несоединимого, которое нет смысла ни оценивать, ни анализировать. “Исключительность” России — это тезис, подтверждающий сам себя и не нуждающийся ни в каких доказательствах, ибо выступает в качестве исходной аксиомы мышления. Для того, чтобы осознать эту исключительность, русскую историю и социальную практику первым делом исключают из контекста “общего” повествования. Одно дело — сказать, что мы “не нормальная страна”, или, наоборот, заявить, что у нас своя, особая, им недоступная норма. А другое дело — осознать, что общие нормы включают и наш опыт как частный случай. Просто норма не такова, как кажется...»¹

Здравый смысл позднего советского общества уже не был принципиально иным, чем в иных регионах миросистемы. Поскольку оно представляло собой версию реализации классического классово-индустриально-идеологического Модерна, гибридное общество традиционного и потребительского типа. Но в итоге конфликт системы и жизненного мира был разрешен в пользу второй составляющей, то есть снятием ограничений на потребление, которое в своем непосредственном и отложенном виде является материальным аналогом бесконечного накопления капитала.

В настоящее время общество потребления *принципиально* устраивает все идейные лагеря и социальные группы в части своих фундамен-

¹ Кагарлицкий Б. Разгадка сфинкса // Русская жизнь. 27 августа 2008 г.